

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

МЕЛОМАНИЯ

Молекулярная кухня Курентзиса

Теодор Курентзис устроил Чайковский-марафон

Юлия Баталина

Казалось, за семь лет в Пермском театре оперы и балета дирижёр не раз доказал, что его подход к интерпретации и презентации произведений классической музыки гарантирует успех, но изрядная часть публики всё ещё воспринимает его как исполнителя преимущественно западных авторов. Малер, Моцарт, Рамо — это да... А вот Чайковский — всё ещё под вопросом. В этом контексте двухдневный симфонический марафон из произведений «патрона» Пермского театра оперы и балета, который Курентзис и оркестр MusicAeterna устроили в последние дни января, снял все вопросы и уничтожил все сомнения.

Впрочем, сам дирижёр наверняка выбирал репертуар очередного симфонического турне вовсе не из этих соображений. Ему не нужно самоутверждаться. Ход его мыслей, пути его замыслов гораздо тоньше и связаны с совсем иными материями. Так или иначе, проездом из Парижа (с премьеры «Дау») в Японию (первые неевропейские гастролы MusicAeterna) оркестр сыграл в Перми «двухсерийную» программу из произведений Чайковского, которую с вариациями повторил в Екатеринбурге и Москве.

Все слова, которые приходят на ум после этих концертов, ужасно банальны и совершенно не отражают сути. Мощь,

ФОТО АНТОН ЗАВЬЯЛОВ

чистота, вдумчивость — всё это сказано, и не раз. Чайковский-марафон — ещё один повод восхититься умением Курентзиса и его музыкантов не столько создать новую трактовку, сколько очистить произведения от напластований разнообразных трактовок и преподнести музыку так, будто она вчера написана и исполняется впервые.

Это какая-то музыкальная молекулярная кухня, когда в новом качестве, в новой форме, в непривычной фактуре возрождается чистый, первозданный «вкус» мелодий. В этом смысле все номера программы — как хорошо известные, так и редко исполняемые — звучат для зрителя абсолютными новинками, и узнавание мелодий скри-

пичного концерта, «Франчески да Римини» или «Ромео и Джульетты» лишь обостряет это ощущение новизны.

Редко исполняемой из всей двухдневной программы можно назвать лишь Третью сюиту для симфонического оркестра, которая открыла программу. Хорошо известная профессионалам и знатокам, она, тем не менее, нечасто звучит в концертах, по крайней мере в Перми. Музыковеды иногда называют её Симфонией №7: Чайковский действительно начинал писать симфонию, но остановился на форме сюиты. В отличие от симфонии или концерта, в сюите сюжетные и логические связи между частями не столь заметны, и дирижёр подчеркнул именно это качество — не столько единство произведения, сколько его мелодическое разнообразие, отличие каждой из четырёх частей.

Незабываемым впечатлением стало скрипичное соло концертмейстера первых скрипок Афанасия Чупина — судя по реакции Теодора, и для него тоже. Выходя на поклон после исполнения сюиты, он, сияя от счастья, выдвигал скрипача на авансцену, словно предлагая зрителям: ему, ему аплодируйте! Он заслужил! Учитывая, что Чупин полгода лечил растяжение руки, это действительно событие.

Во втором отделении концерта звучали знаменитые увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта» и симфоническая поэма «Франческа да Римини» — произведения образные и эмоциональные, литературные в самом лучшем смысле этого слова. Выходя из театра, зрители признавались, что «видели» смерть Тибальта и круги ада, по которым скитается душа Франчески.

Своим соло, прозвучавшим в первый вечер марафона, Чупин составил достойную конкуренцию приглашённому солисту Айлену Притчину, который во второй вечер выступил в Концерте для скрипки с оркестром. Можно было понять, почему Курентзис именно с этим исполнителем решил играть концерт: Притчин во время соло выдал тончайшее, кисейно-шифовое пианиссимо — именно такого тонкого, чистого тихого звука Курентзис добивается от всех своих музыкантов и певцов, и с Притчиным в этом плане ему повезло.

Молодого солиста, кажется, смутили овации, которые на него обрушились, и он с похвальной скромностью занял место в составе оркестра для исполнения Шестой симфонии.

«Патетическая» симфония в финале марафона возвысилась гранитной глыбой, и оркестр будто брал эту твердыню штурмом, который завершился не победой, а примирением — мягким, слегка горьким, подчёркнуто непафосным финалом.

После этого случилось нечто редкое, о чём социальные сети пермяков говорили больше, чем о самом исполнении симфонии. Наступила тишина. Она длилась и длилась, становясь почти невыносимой. Курентзис и музыканты замерли, будто собирались продолжить играть, а публика затаила дыхание. Можно себе представить, как некстати пришлось бы в этот момент неделикатные хлопки нетерпеливых меломанов, но нет! Тишина победила. Лишь когда дирижёр, улыбнувшись, повернулся к залу, раздались аплодисменты.

Это был ещё один важный урок Курентзиса и ещё одна важная победа.

Айлен Притчин